

У Со Вэй не смел больше смотреть на Чи Чэна и быстро натянул одежду. Смертельная дурнота и навязчивая зависимость, вызванные периодом повышенной восприимчивости, уже отступили, и разум вновь вернул себе командные высоты.

Ему требовалось личное пространство, нужно было всё обдумать, а главное... заставить Чи Чэна тоже сполна прочувствовать эту терзающую сердце тревогу и страх всё потерять!

К тому же настало время как следует распланировать своё будущее. Больше не нужно притворяться и скрывать свои истинные мысли перед Чи Чэном: ему необходимо срочно заняться зарабатыванием денег, а накопив достаточную сумму, придумать способ выкрасть учителя и как следует позаботиться об уважаемой Чжан Лия.

Дела у учителя не ждали, времени в обрез, он не мог позволить себе промедление!

Что же до Чи Чэна... Хм! — мысленно усмехнулся У Со Вэй. — Пожалуй, поддержку-ка я его пока в чёрном теле.

Он заставит этого надмерного «злого дракона» собственными руками до конца сжечь все старые счёты и тянущееся шлейфом запутанное прошлое.

В этом мире он добьётся того, чтобы сердце Чи Чэна целиком и полностью принадлежало только ему, У Со Вэй! Только ему одному!

Мысли прояснились, а действия стали ещё решительнее. У Со Вэй схватил со столика ключи от машины и, не оглядываясь, широким шагом вышел из спальни, направляясь напрямик в гараж.

В утренней тишине загородного коттеджного посёлка внезапно раздался низкий и яростный рев мотора.

Чёрный «Мерседес», подобно сорвавшейся с тетивы стреле, мгновенно вылетел из гаража, подняв вихрь воздуха, и умчался прочь, оставляя за собой лишь пыль.

Скорость была такой невероятной, что выскочивший следом из спальни и успевший добежать лишь до балкона Чи Чэн даже не смог разглядеть задние фонари автомобиля — лишь уловил мелькнувшую и тут же растворившуюся тень.

У Со Вэй мчался во весь опор, оставляя далеко позади бушующие в груди сложные эмоции и ту самую «тюрьму», которая столько времени держала его в заточении.

Когда машина плавно затормозила у входа в студенческое общежитие, он глубоко вздохнул и, толкнув дверь, вышел наружу.

— Мать твою! Да-Вэй?! — сосед по комнате А Фэй как раз проходил мимо и, случайно заметив вылезавшего с водительского места «Мерседеса» У Со Вэя, едва не выронил от удивления челюсть.

Он с утрированным видом пот глаза, обошёл вокруг гладкого черного седана и, цокая языком, произнес:

— Ты... ты что, ограбил банк или сорвал джекпот в лотерею? Разбогател, братец! — приглядевшись, он вдруг подумал, что машина выглядит смутно знакомой... Где-то он её уже видел?

Взгляд А Фэя случайно скользнул по затылку У Со Вэя. Там, по краям наспех наклеенного пластыря-подавителя, смутно проступали свежие красные следы, кожа в некоторых местах была даже слегка содрана.

Любопытствуя, он качнулся ближе. Его ноздри затрепетали, и в нос тут же ударил чрезвычайно властный, обладающий сильным присутствием остаточный запах чужих феромонов Альфы, смешанный с собственным ароматом У Со Вэя.

А Фэй резко вытаращил глаза, словно обнаружил какой-то потрясающий секрет, и, тыча пальцем в затылок У Со Вэя, сорвался на фальцет:

— Екарный бабай! Да-Вэй! Тебя что... тебя кто-то пометил?!

Да еще какой-нибудь высший Альфа, небось? Запах просто сногшибательный! Будучи сам Беты, он не обладал особой чувствительностью к феромонам, но мощь этого остаточного шлейфа была такова, что игнорировать её не получалось.

У Со Вэй машинально коснулся пластыря на затылке, а на его лице на мгновение промелькнуло еле заметное самодовольство. Он поиграл в руке блестящими ключами от машины и нарочито небрежным, даже хвастливым тоном бросил:

— Ой, подумаешь, удивил. Ерунда! Он от моего мечения тоже не ушел!

Вид у него при этом был точно у генерала, только что одержавшего победу в тяжелом бою.

Сменив тему, он окинул взглядом явно приунывшего А Фэя:

— Чего это ты сегодня вдруг в университете? Разве не собирался проводить выходные с девушкой?

При упоминании подружки шок на лице А Фэя мгновенно сменился отчаянием, плечи поникли:

— Эх, и не спрашивай. Тянь-Тянь в последнее время... сошлась с каким-то ушлым Альфой, тот ей с утра до вечера сладкие речи поет. Говорит, раз у меня нет феромонов, значит, я недостаточно «завожу» и не даю «чувства безопасности»... Хочет со мной расстаться. А я расставаться не хочу, вот и собираюсь вернуть свою любовь!

Он тяжело вздохнул, и в его взгляде, устремленном на У Со Вэя, заплескалась неприкрытая зависть:

— Эх, Да-Вэй, везучий же ты! После вторичной дифференциации сразу стал Альфой — взлетел на вершину жизни! А для таких обычных Бет, как мы, в глазах всяких истинных парней цена — как у камня у обочины, наверное? Тоже мне Альфой хочется стать!

В его тоне сквозили горечь и обида.

— Чего хорошего-то? Камни вон какие стабильные! — усмехнулся У Со Вэй и машинально снова придавил пальцем пластырь на затылке — эта штука доставляла ему массу неудобств. — Выйдешь на улицу — вечно обязан клеить эту дрянь, прямо как пластырь от мозолей! А эта проклятая точка — вообще смерть! Про всякие мерзкие чужие феромоны, которые вечно норовят смешаться, я уж и молчу!

Жалуясь, он невольно вспомнил лицо Чи Чэна и ту давящую, агрессивную, но почему-то заставляющую его... понемногу тонуть волну его аромата.

Капелька неприязни вперемишку с неизъяснимой сладостью тихонько подступила к сердцу.

Будь проклят этот мир с делением на поларии! — мысленно выругался он. Именно из-за этого странного периода повышенной восприимчивости он снова потерял контроль перед Чи Чэном, чуть было не сложив оружие! Хорошо еще, что его физическая форма теперь улучшилась!

Если бы не сообразительность и не решение немедленно сбежать! Иначе... дождись он, пока эта собака Чи Чэн полностью придет в себя и сообразит что к чему, разве позволил бы тот с его властным характером ему уйти?

****Загородный коттедж****

Рев мотора окончательно затих вдали, утренний особняк погрузился в тишину, нарушаемую лишь шелестом ветра в листве да редким стрекотанием цикад.

Чи Чэн стоял на пустом балконе, подставляя обнаженный торс прохладному утреннему ветерку.

Жгучая боль от царапины давно прошла, сменившись еще более глубоким, почти захлестывающим раскаянием и... разгорающимся от дерзкого вызова добычи еще более

яростным, жгучим азартом.

Он провел языком по слегка онемевшему уголку рта, где его поцарапал ногтем У Со Вэй. В его глубоких глазах утренняя растерянность полностью рассеялась, уступив место хищному блеску преследователя, намертво заприметившего цель и готового взять её любой ценой.

Он медленно, с особым смаком причмокнул губами, словно заново переживая вчерашний день или пробуя на вкус только что показанное У Со Вэем напускное, полное угроз позерство.

— У Со Вэй... — низкий голос прозвучал на пустой террасе, окрашенный нотками игривой усмешки и непоколебимой уверенности: — Ты все так же любишь ломать комедию.

Он повернулся и вернулся в комнату. Взгляд скользнул по смятой постели, воздух в которой все еще был густо насыщен плотным, до конца не рассеявшимся ароматом их яростно переплестшихся феромонов — терпкой свежестью лимонной кислоты после грозового дождя.

Этот запах, словно пробивающий тучи первый луч солнца после ливня, ворвался в помещение с пронзительной чистотой, омывающей всё вокруг.

Сперва ощущалось благоухание влажной травы и сырой земли, чистое настолько, будто оно способно вычистить легкие до самого дна.

Следом властно вторгся резкий, ярко выраженный кисловатый цитрусовый аккорд — вовсе не приторная сладость переспелого плода, а пронзительно-острый, с брызгами сока аромат свежего лимона, только что разрезанного лезвием ножа.

Эта кислинка не была долгой или приторной; подобно ледяной игле, вонзившейся в кожу, она мгновенно бодрила и прочищала мысли, но при этом странным образом смягчалась и окутывалась просторным ощущением бескрайней послегрозовой чистоты, создавая противоречивый и чарующий образ — одновременно кристально-ясный, просторный, как небо после ливня, и затаивший в себе скрытый, неотвратимый, пронзающий насквозь острый клинок.

Уголки губ Чи Чэна изогнулись в улыбке. Он провел языком по верхней губе, в то время как на дне его глаз пылал огонь неизбежной победы.

— Раз уж и ты пожаловал в этот мир, — тихо проговорил он в пустоту, и каждое слово звучало как закаленная в огне клятва: — У Со Вэй, я уж точно больше не выпущу твои руки. В следующий раз, вздумай ты сбежать, так легко тебе отделаться не удастся!